УДК 811.161.1’38:81’42
Науч. спец. 5.9.5
DOI: 10.36809/2309-9380-2026-52-228-232

Иван Олегович Удальцов
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, аспирант, Омск, Россия
e-mail: udalec2015@mail.ru

Специфика смысловой системы автора и организации нарратива современной русской прозы (на материале идиостиля Дмитрия Бакина)

Аннотация. Статья реализует комплексный подход к художественному тексту, совмещающий подходы психолингвистики, лингвистической поэтики и концептологии. Исследование проводится на материале художественных текстов Д. Бакина с применением оригинальной методики анализа текста, рассматривающей текст с позиций теории художественных концептов, семантики нарратива и теории регулятивов. Исследование показывает, как взаимодействие между повествовательными техниками, концептуальными рамками и регулятивными стратегиями формирует уникальную стилистическую индивидуальность прозы Д. Бакина. Полученные результаты способствуют пониманию того, как авторское сознание отражается в организации текста и как оно влияет на восприятие повествования читателем.

Ключевые слова: смысловая система, концепт, концептосфера, нарратив, регулятив, регулятивная структура текста.

Ivan O. Udaltsov
Dostoevsky Omsk State University, Postgraduate Student, Omsk, Russia
e-mail: udalec2015@mail.ru

Specifics of the Author’s Semantic System and Narrative Organization in Contemporary Russian Prose (A Case Study of Dmitry Bakin’s Individual Style)

Abstract. This article implements a comprehensive approach to literary text analysis, combining methods from psycholinguistics, linguistic poetics, and conceptual studies. The study is based on the literary works of Dmitry Bakin, employing an original methodology that examines the text through the prisms of narrative semantics, artistic concept theory, and regulative theory. The research demonstrates how the interplay between narrative techniques, conceptual frameworks, and regulatory strategies shapes the unique stylistic identity of Bakin’s prose. The findings contribute to a deeper understanding of how the authorial consciousness is reflected in textual organization and how it shapes the reader’s perception of the narrative.

Keywords: semantic system, concept, conceptual sphere, narrative, regulative, regulatory structure of the text.

Введение (Introduction)

Современное исследовательское поле теории и практики анализа текста, дискурса, коммуникации формируется в лингвистике по нескольким направлениям. Исследовательское внимание в большей степени направлено в сторону медийной реальности, медийного текста, дискурса, коммуникации. Тем не менее перспективной областью исследования остается художественный текст. Теории художественного текста, дискурса, коммуникации разнообразны и разнонаправленны. В исследовательском поле находятся принципы построения концептосферы автора и текста, модели отдельных художественных концептов, конструирование картины мира автора и текста, характер нарратива и лирической коммуникации, образ автора и адресата, элементы «вещества литературы» и др. Область исследования путей вербализации когнитивных, аффективных, эмотивных, ментальных свойств человека в форме и содержании текста вообще и художественного в частности, особенностей восприятия текста смысловой системой читателя остается чрезвычайно перспективной и не полностью исследованной.

Актуальность настоящего исследования состоит в его принадлежности к активно развиваемому направлению теории текста, теории художественного дискурса, психологического (психопоэтического) подхода к порождению и восприятию художественного произведения, а также к изучению нарратива художественного текста в аспекте возможностей выражения с его помощью компонентов концептосферы

© Удальцов И. О., 2026

Для цитирования: Удальцов И. О. Специфика смысловой системы автора и организации нарратива современной русской прозы (на материале идиостиля Дмитрия Бакина) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2026. № 3 (52). С. 228–232. DOI: 10.36809/2309-9380-2026-52-228-232

Статья доступна на условиях лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

автора. Кроме того, актуальность обусловлена изучением способов, выбираемых автором текста для направления в определенную сторону читательского внимания в процессе восприятия актуализированных смыслов. Не менее актуальным является дальнейшее развитие психокогнитивной категории «авторское сознание» и способов ее применения в целях анализа художественного текста.

Цель исследования — выявить особенности смысловой системы современного русского прозаика Дмитрия Бакина, описав семантику нарратива его текстов разных жанров в аспекте выражения с помощью организации прозаического повествования компонентов идиостиля как психокогнитивного феномена.

Объектом исследования выступает современная художественная русская проза как воплощение смысловой системы одного автора и проявление тенденции нарративной организации, а предметом — специфика смысловой системы автора и его идиостиля, проявляющаяся в организации нарратива художественной прозы Д. Бакина.

Методы (Methods)

Методический арсенал нашего исследования включает в себя:

– метод анализа повествовательной (нарративной) структуры текста, который предполагает рассмотрение текста как целого, состоящего из множества уровней; анализ единиц «регулирования» автором восприятия адресата (регулятивов), представляющих элементы смыслообразования в режиме акцентной актуализации;

– психокогнитивный метод анализа, используемый для выявления по авторским смысловым доминантам, вербально-авербальным компонентам их воплощения особенности концептосферы автора;

– семантический метод анализа, служащий для раскрытия смыслового уровня слов и высказываний;

– метод статистической обработки языковых данных, применяемый для обработки частотных и низкочастотных единиц текста как проявления авторского идиостиля.

Комплексное исследование смысловой системы автора посредством его текстов подразумевает многоаспектный подход, поэтому анализ в настоящем исследовании проводится на трех взаимосвязанных уровнях: нарративном, концептологическом и регулятивном. Анализ специфики нарратива демонстрирует набор повествовательных техник, избранных автором для репрезентации своей смысловой системы; анализ концептосферы текстов покажет форму функционирования компонентов смысловой системы в тексте; анализ регулятивной сферы текстов позволит проследить средства, с помощью которых автор удерживает внимание читателя, что напрямую связано как с компонентами смысловой системы, поскольку их специфика диктует подбор регулятивных средств, так и с нарративом, поскольку регулятивы имплицированы в повествовательную ткань текста. При анализе текстов на предмет специфики нарратива мы будем оперировать дихотомией «традиционный нарратив / свободный косвенный дискурс» Е. В. Падучевой [1]; при описании концептосферы — понятием «номинант» и частью алгоритма моделирования доминантных концептов Е. А. Огневой [2]; при описании регулятивной стратегии — понятиями «гиперконцепт» и «регулятив» Н. С. Болотновой [3]. Центральным в нашем исследовании является понятие смысловой системы, которую в своих работах глубоко проанализировал отечественный психолог Д. А. Леонтьев: «Смысловая сфера личности — это особым образом организованная совокупность смысловых образований (структур) и связей между ними, обеспечивающая смысловую регуляцию целостной жизнедеятельности субъекта во всех ее аспектах» [4, с. 127].

Литературный обзор (Literature Review)

Отечественный писатель Д. Бакин малоизвестен в среде русскоязычных читателей и литературоведов. Относительно подробному анализу его творчества посвящены две статьи, в одной из которых Т. Г. Кучина, О. С. Рогозина отмечают проблему малой исследованности писателя: «Несколько коротких комментариев, посвященных Д. Бакину, в обзорных статьях ведущих литературных публицистов (Н. Ивановой, К. Степаняна), разработка школьного урока (М. Синельникова, С. Белокуровой), пара рецензий на сборники прозы (М. Синельникова, Т. Касаткиной) — вот, похоже, почти вся библиография литературно-критических работ о творчестве писателя» [5, с. 177]. Позицией авторов указанных источников мы будем руководствоваться при определении места творчества Д. Бакина в современном литературном процессе.

В статье «Преодолевшие постмодернизм», рассуждая о литературном процессе, во многом разрешающем кризис постмодернизма, литературный критик журнала «Знамя» Н. Иванова акцентирует внимание на проблематике творчества писателя: «В прозе Бакина экзистенциально голый человек окружен враждебными стихиями и, как кольцом огня, окружен смертью. Но бакинский человек упорно не верит и не доверяет смерти, противостоит ей своей любовью, в прямом смысле слова сумасшедшей (“Стражник лжи”). Реальность проходит через горнило сознания, чаще всего искаженного — горем, сумасшествием, несчастьем, — в общем, сознания травмированного. Автор — всезнающий демиург — не выдает своего присутствия» [6]. Трудно не согласиться с Н. Ивановой в намеченной проблематике, последнюю характеристику которой, а именно — фигуру автора в тексте, мы проанализируем в дальнейших главах исследования.

Кроме того, критик причисляет Д. Бакина к представителям нового направления трансметареализма, среди отличительных черт которого выделяет следующие:

«– развертывание текста как единой многоуровневой метафоры;

– интеллектуализация эмоциональной рефлексии;

– проблематизация “проклятых вопросов” русской классики (например, вариации ответов на “достоевский” вопрос о спасении мира красотой).

Преодолевая постмодернистскую ситуацию, трансметареализм вбирает то, что наработано постмодернистами, — интертекстуальность, гротеск, иронию» [6].

Во многом можно согласиться с данной классификацией творчества писателя, кроме наличия в его текстах интертекста. Однако даже если говорить про иронию и гротеск

текстов Бакина, то они лишь изредка сменяют серьезный тон повествования, при этом, в отличие от постмодернистских текстов, обоснованы реалистически. К примеру, в повести «Гонимые жизнью» главному герою снится кошка, прицепившаяся к половому органу когтями, что гротескно и иронично, но не выводит читателя на темы мистичности или иллюзорности реальности. Также себя обнаруживает и буквализованная метафора, служащая средством сюжетообразования.

Сам Д. Бакин в своем интервью газете «Взгляд» определил ряд писателей, сформировавших его стиль: «О писателях — это Музиль и Астуриас, Бунин и Фолкнер, Томас Вулф и Юрий Казаков, Экзюпери и Маркес, Платонов и Камю, Гамсун и Мелвил. И Достоевский, как предупреждение всем нам» [7].

В качестве материала исследования нами были выбраны тексты художественной прозы Д. Бакина: повести «Стражник лжи», «Сын дерева», «Гонимые жизнью», «Страна происхождения»; рассказы «Корень и цель», «Лагофтальм», «Землемер»; роман «От смерти к рождению».

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

В статье будет представлен анализ рассказа Д. Бакина «Страна происхождения» в аспекте нарративной специфики текста.

Сюжет. По сюжету некий герой без имени (повествователь именует героя местоимением *Он*) имеет наследственное заболевание сердца, шум которого пытается приглушить в течение всего действия, «стараясь привыкнуть, впустить в себя отчетливую речь, превратив чужие слова в нечто физически ощутимое, чувствуя их кожей лица, как легкие, почти невесомые комки ваты» [8, с. 73]. Слова из 1-го абзаца наглядно демонстрируют важность этой проблемы для героя, который находит ее решение только при устройстве на работу в тир, где получает избавление от шумов сердца с помощью ухода за рабочим местом и обустройства его для посетителей. Помимо этого, герой пристально изучает «биологическую карту своего рода» в поисках причин недуга сердца и потенциала организма, который и находит в стрельбе в тире по мышам и ватману и который, как сам он вычислил из карты, унаследован им от предка, занимавшегося охотой. Когда тир закрыли на зиму, шумы сердца вернулись, герой лег в больницу на обследование, в ходе которого в его сердце обнаружили пулю, также унаследованную от предка-охотника: «человек этот полжизни прожил с пулей в сердце, куда ее всадили на охоте, то ли по недоразумению, то ли по злому умыслу — и теперь, спустя семь поколений, его наследника постигла та же участь, но с рождения, без выстрела» [8, с. 78]. Последние строки повести показывают читателю героя, покидающего больницу в полной уверенности, так как «он всё понял». Обстоятельство с пулей прояснило ему его суть и призвание, благодаря которому шумы сердца его больше не беспокоят.

Форма повествования. В тексте фигурируют три героя: безымянный герой, его жена и мать жены. Фокус повествования периодически смещается от героя к герою, изредка возникает голос экзегетического повествователя или прямая речь героев. Иными словами, форму повествования можно отнести к свободному косвенному дискурсу (СКД) с элементами традиционного нарратива в лице экзегетического повествователя, косвенно комментирующего события наряду с героями, делающими это в форме несобственно прямой речи, которую чаще всего нельзя отделить от авторской речи. Например, когда повествование переключается на персонажа матери, в текст вводятся маркеры субъективной модальности персонажа, но также и более косвенные маркеры принадлежности речи герою:

«Как всё это произошло у них на вокзале, *мать Марии так и не узнала*, скупо, дотошно храня в памяти день появления своей дочери с **мужчиной полутораметрового роста**, одежда которого годилась разве что на факела; *она видела* этот день бессонными ночами в гипнотическом трансе все семь лет, что предстояло ей прожить, начиная с этого дня; и *видела* главное событие этого дня на смертном ложе, погруженная в мягкое неторопливое течение умирания — и они плыли вместе с ней, окаменев в ее сознании, такими, какими она запомнила их навечно — не успевшие еще раскрыть рта, не успевшие еще породниться и сделать всё то, что сделали потом — ее дочь со своим будущим полутораметровым мужем, молча стоящие перед ней, готовясь, **не испросив благословения**, сообщить о своем решении» [8, с. 86] (здесь и далее: курсив — прямые маркеры, жирный шрифт — косвенные маркеры).

Маркеры *мать Марии так и не узнала* и *она видела* явно дают понять, что повествователем в данном фрагменте является персонаж матери, но постепенно повествование описывает также и других героев, не убирая на задний план персонажа матери, а отчасти делая его воспринимателем (что помечается деталью *мужчиной полутораметрового роста*, характеризующей взгляд на героя со стороны персонажа матери). Описание образов других героев осуществляется с более косвенными вкраплениями субъективной модальности персонажа матери (*не испросив благословления* здесь очевидно характеризует взгляд матери на дочь и ее мужа). То есть повествование носит смешанный характер: диалогический СКД с элементами монологического СКД, такими как функция воспринимателя. Аналогичный пример смешанного повествования можно проследить на примере развязки сюжета, когда врачи находят пулю в сердце героя:

«И впоследствии всё, что делали с ним местные врачи и врачи, вызванные из большого города, в бесчисленных кабинетах и кабинках разглядывая рентгеновские снимки его души сквозь белые лучи ребер, снимки его гудящего сердца, в котором с ужасом обнаружили свинцовую пулю, притаившуюся в мышцелевого желудочка, обросшую тканевыми волокнистыми соединениями и вместе с рабочей мышцей, гнавшую кровь по сосудам; разглядывая его белую тщедушную безволосую грудь, в надежде найти отверстие от существующей в сердце пули, но, не находя ничего отдаленно похожего кроме соска — всё, что они делали с ним, они делали для того, **чтобы просветить его темный мозг и придать настоящее и единственное значение непонятному знаку над фамилией охотника на кабанов, который был несправедливо забыт**, но означал, что человек этот полжизни прожил с пулей в сердце, куда ее всадили на охо-

те, **то ли по недоразумению, то ли по злому умыслу** — и теперь, спустя семь поколений, его наследника постигла та же участь, но с рождения, без выстрела — и всё, что они делали с ним, они делали для того, **чтобы напомнить ему, что циклу зимы отведено столько же времени, сколько циклу лета, и циклу гула столько же, сколько циклу тишины, и циклу вырождения столько же, сколько циклу возрождения** — это не медленно, но и не быстро» [8, с. 83].

Выделенные слова подчеркивают субъективную модальность безымянного героя, воспринимающего действия врачей по отношению к нему и периодически комментирующего их посредством несобственно прямой речи, в то время как начало фрагмента целиком описывается повествователем без каких-либо маркеров модальности других героев. Читатель может только интерпретировать это описание через призму модальности безымянного героя, опираясь на последующие маркеры модальности, вплетенные в текст без разграничений. СКД автора характерен плавный переход от модальности одного героя к модальности другого в рамках одного абзаца или даже предложения:

«И они обе склонились над столом в мягком, желтом свете абажура, и тени их упали на многочисленные имена и фамилии, расположенные в строгой последовательности, с различными пометками, вплоть до роста, **непонятными кабалистическими знаками, крестами и цифрами, знаками зодиака и ровными, короткими стрелками**, указывавшими на кровную связь — и если бы они сумели досконально разобраться, вникнуть в эту **целостную, строго выверенную геральдическую схему, в которой предстояло занять место и одной из них, они увидели бы историю постепенно деградирующего рода**, о чем свидетельствовало неуклонное понижение физического роста и столь же неуклонное повышение роста болезней его представителей, зачинателем которого фигурировал некий гигант, вокруг фамилии которого не было **ни одного порочащего знака, ни одной пометки, указывавшей на какое-либо отклонение в могучем организме**, кроме знака зодиака и цифры девяносто девять, означавшей количество прожитых лет» [8, с. 76–77].

Предмет восприятия героев (карта родословной) характеризуется маркерами модальности разных героев, о чем свидетельствует семантический контраст между ними. Для жены и ее матери карта непонятна, в то время как для безымянного героя выстраивается в «целостную, строго выверенную геральдическую схему». Переход между модальностями также происходит без разграничений. Несобственно прямая речь героев тесно имплицирована в речь повествователя.

Если говорить о сугубо авторской речи в тексте, ее крайне сложно отделить от плотно организованных повествовательных регистров героев. В некоторых местах эгоцентрические элементы текста выступают в виде оценочных слов, и отсутствие маркеров модальностей других героев косвенно дает узнать о присутствии автора, что делается намеренно:

«С тех пор как он избавился от ватмана, похоронив под кипами старых революционных журналов биологическую карту своего рода, а вместе с ней **здравую логику** жизненных процессов, уверенный, что нет и не может быть другой руки, кроме его собственной, которая возродила и продолжила бы спрятанный на чердаке перечень фамилий; время для него остановилось, и он всерьез задумался о бессмертии» [8, с. 78].

Словосочетание *здравая логика* здесь принадлежит именно автору, так как контрастирует по общей семантической направленности с модальностью безымянного героя, о котором здесь идет речь в целом. Но автор прибегает к оценке героя, чтобы намеренно продемонстрировать его оторванность от мира.

Эгоцентрические элементы текста. Вводные конструкции: *казалось, как и следовало ожидать, по ее мнению.*

Семантика иронии: «как только она отыщет эту звезду, самое позднее утром, выйдет на улицу с сетью и веревками, поймает, свяжет первого попавшегося мужика и затащит его в дом» [8, с. 82]; «вышла, прикрыв за собой дверь, оставив его наедине с незримым духом женского одиночества, который, по ее мнению, должен был убедить его в том, что здесь он первый и последний мужчина, по крайней мере, до тех пор, пока комната эта принадлежит ей» [8, с. 74].

Номинации: *мать; дочь и полутораметровый муж; женщина.*

Предикат внутреннего состояния: *можно было не сомневаться; разве что; им показалось; сильно преувеличены.*

Оценка: *нелепый; могучий; непонятные; нудный, усыпляющий голос; ненавистные бумаги; писанина; неуклюже; здравая логика; какой сволочи; дурацкое обоснование.*

Метатекстовые элементы: *иными словами; как всё это произошло.*

Неопределенные местоимения: *чего-то подобного; то ли по недоразумению, то ли по злому умыслу; как-то утром.*

Выделенные разноуровневые элементы относятся к разным смысловым контекстам текста и, соответственно, модальностям разных героев, что характеризует повествовательную технику автора как полифоническую.

Заключение (Conclusion)

С помощью повествовательного инструмента полифонии, оформленной через несобственно прямую речь, автор дистанцируется от читателя с целью более эффективной и точной репрезентации своей сложной смысловой системы. Этой сложностью и продиктована специфика нарратива. Посредством множественного СКД и периодической смены форм повествования автор создает для читателя пространство интерпретации смысла текста и в то же время задает ритмику текста, при считывании которой у читателя создается определенное эстетическое ощущение непрерывности, «вечного» движения, на ассоциативно-чувственном уровне формирующего у читателя гиперконцепт «Жизнь» как центральную смысловую структуру смысловой системы автора.

1. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М. : Языки славянской культуры, 2010. 480 с.

2. Огнева Е. А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста. 2-е изд., доп. М. : Эдитус, 2013. 282 с.

3. Болотнова Н. С. О связи регулятивной и концептуальной структур поэтического текста // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2006. № 5 (56). С. 108–113.

4. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд., испр. М. : Смысл, 2003. 487 с.

5. Кучина Т. Г., Рогозина О. С. Повествовательная структура рассказа Дмитрия Бакина «Стражник лжи» // Яросл. пед. вестн. 2013. Т. 1, № 3. С. 177–180.

6. Иванова Н. Преодолевшие постмодернизм // Знамя. 1998. № 4. Электрон. версия. URL: https://magazines.gorky.media/znamia/1998/4/preodolevshie-postmodernizm.html (дата обращения: 09.10.2025).

7. Бавильский Д. Дмитрий Бакин: «Помогают писать табак, голод, зима, ее снег…» // Взгляд. Деловая газета : [сайт]. 2008. 3 авг. URL: http://www.vz.ru/culture/2008/8/3/192512.html (дата обращения: 09.10.2025).

8. Бакин Д. Страна происхождения // Бакин Д. Страна происхождения : рассказы. СПб. : Лимбус Пресс, 1996. С. 73–88.